

УДК 94(47)"18"

DOI 10.25688/20-76-9105.2021.42.2.02

Н. А. Могилевский

**«Дворяне противодействовали
всему, что прежде имело влияние,
и самому губернатору...»:
конфликты губернских властей
и дворянства в середине XIX века**

В статье на основании новых архивных материалов рассматриваются типы конфликтов между губернаторами и местным дворянством в конце 1850-х годов. Приводится типология этих противоречий: конфликты правовые, личностные и институциональные.

Ключевые слова: губернатор; дворяне; местная власть; конфликты.

Учреждение губерний в России произошло в начале XVIII века. Система же дворянского самоуправления появилась лишь в конце того же столетия — в 1785 году по Жалованной грамоте дворянству. Практически сразу между губернской властью, с одной стороны, и местной аристократией — с другой, начались довольно острые противоречия. Во-первых, дворянское самоуправление было поставлено в довольно жесткие рамки централизованной системы управления, хотя формально губернаторы должны были лишь «присматривать» за местными аристократами. Как следствие, местная власть постоянно стремилась вмешаться в ход дворянского самоуправления. Наконец, нельзя также исключать межличностные конфликты между отдельными дворянами и губернатором. Как видно, конфликтное поле в самом деле было очень велико.

В исторической литературе вопрос о взаимоотношениях дворянской корпорации и губернаторского корпуса практически не затрагивался. Дореволюционный историк права И. А. Блинов полагал, что отношения эти «постоянно складывались не в пользу свободы дворянских обществ» [1: с. 148]. Блинов подчеркивал, что по закону губернский предводитель, являясь представителем всего дворянства в области, имел статус второго лица после губернатора, причем назначаемого самим императором [6: ст. 171]. Однако в реальности этот статус не всегда уберегал дворянство и его предводителя от настойчивой опеки и даже активного вмешательства в свои дела со стороны начальника губернии [1: с. 149–151].

Между тем, как показывают архивные документы, далеко не всегда дворяне мирились с губернаторским самоуправством. Конечно, при Николае I,

когда любое выступление против представителя власти (тем более первого лица губернии) могло караться достаточно жестко, дворянская фронда была не столь заметна. Но в конце 1850-х годов, когда, говоря словами А. А. Корнилова, «настроение было совершенно оптимистическое, необыкновенно розовое и благодушное» [5: с. 203], общество, привыкшее к многолетнему молчанию, вновь смогло обсуждать важнейшие вопросы гласно и без боязни. В этой атмосфере всеобщей гласности дворянство стало решительнее отстаивать свои позиции в конфликтах с губернаторами. В задачи настоящей статьи входит попытка классификации типов этих конфликтов.

Разумеется, центральная власть, пристально следившая за общественными настроениями в стране, держала ситуацию под контролем. Начальник III Отделения в 1857 году издал даже специальную инструкцию жандармам, требуя от них пристально следить и докладывать подробно «о толках и рассуждениях в публике и народе». Отныне жандармские штаб-офицеры пристально отслеживали все конфликты в губернии, подробно их излагая в рапортах. Эти отчеты жандармских офицеров, хранящиеся в Государственном архиве РФ, в основном и послужили источниковой базой настоящей статьи.

Наиболее часто конфликт между дворянским сообществом и губернатором разгорался из-за вмешательства последнего в дворянские выборы. Условно такой тип конфликтов можно назвать *правовым*, поскольку губернатор, по закону поставленный опекать дворянское самоуправление, формально не имел права вмешиваться в него. Точно так же не мог он влиять и на выборы уездных и губернского предводителей. Но эта норма существовала лишь на бумаге. В реальности дворянство во все времена испытывало на себе давление местной власти, желавшей провести в предводители удобных себе людей [1: с. 149].

Ровно такая ситуация случилась во Пскове в 1859 году, где во время выборов местное дворянство заняло откровенно антигубернаторскую позицию. Конфликт произошел, как докладывал жандармский штаб-офицер, из-за того, что «начальник губернии (Валериан Муравьев), хотя человек благонамеренный и честный исполнитель предначертаний правительства, самолюбив и самонадеян: он желал, чтоб избраны были лица, им предназначенные, и объявил заранее, что избрания, несогласного с его видами, не утвердит. Вследствие сего все те, которых он имел в виду, были забаллотированы, а другие, которых он не желал, избраны». Пойдя на открытый разрыв с «хозяином губернии», псковские дворяне добились в конце концов своего: «во избежание неудовольствия губернатор утвердил все выборы дворян» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 24. Л. 26–26 об.).

Псковский случай не был типичным. Чаще дворяне не были в состоянии отстоять свой выбор. Особенно если их оппонент, губернатор, имел серьезные связи в столице. Так случилось в ходе конфликта любимца Николая I, решительного и властного оренбургского военного губернатора В. А. Перовского, с местными помещиками. Перовский «предварительно сообщил дворянам,

чтобы в исправники никто не был избранием, так как по этому предмету он вошел с особым представлением к министру внутренних дел». Дворяне, однако, увидели в этом оскорбление и сами перешли в атаку — отправили жалобу одновременно генерал-губернатору и министру внутренних дел (по закону губернский предводитель дворянства имел на это право [1: ст. 172]). Перовский, разозленный дворянской неуступчивостью, в свою очередь объявил действия оппонентов незаконными «и со своей стороны об всем уведомил министра внутренних дел» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 22. Л. 29–29 об.). В случае с Перовским силы были неравны. Вельможа, ближайший наперсник Николая I, пользовавшийся огромным уважением Александра II, был гарантированно защищен от любых происков дворянской партии. Но людей, подобных графу Василию Алексеевичу Перовскому, среди российских губернаторов в то время было наперечет.

В конце 1850-х годов некоторые наиболее прогрессивно мыслящие начальники губерний (или принявшие близко к сердцу указание петербургских властей начать подготовку к крестьянской реформе) время от времени давали отвод некоторым наиболее одиозным дворянам, претендовавшим на место предводителей. Так, например, случилось в 1859 году в Казанской губернии, где губернатор П. Ф. Козлянинов дал отвод кандидатуре подполковника А. П. Горского, кандидата на пост предводителя дворянства Чистопольского и Мамадышского уездов. Взбешенный Горский, утративший всякие надежды «войти в аристократические верхи казанского общества», начал строчить на губернатора доносы в III Отделение [1: с. 406]. Правда, из этого ничего не вышло, и Козлянинов удержался на своей должности.

Случалось, что дворяне, не осмеливаясь открыто выражать недовольство действиями губернатора, действовали исподволь, высказывая свою позицию путем избрания (или отвода) тех или иных кандидатур. Например, ярославские дворяне в ходе выборов 1859 года явно губернатору не перечили, но избрали предводителями (губернским и одним из уездных) помещиков, отличившихся во время работы в редакционных комиссиях, поднеся им даже письма с благодарностью за труды. Этот поступок был явно направлен в пику губернатору А. П. Бутурлину, стороннику жестких мер в отношении крестьян, не разделявшему в целом идей о необходимости эмансипации [8: с. 209]. Наблюдавший за этим жандармский штаб-офицер озабоченно доносил, что своими действиями местное дворянство «достаточно выказало настоящий дух этого сословия, тревожное и крайне вредное направление умов, в каком оно замечено» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 34. Д. 11. Ч. 18. Л. 10).

Ко второму типу следует отнести конфликты *институциональные*. Иными словами, дворяне выступали не столько против самого губернатора, сколько против *лицетворяемой им системы*.

В Калуге конфликт местных помещиков с начальником губернии В. А. Арцимовичем зрел с самого назначения того губернатором. Один из лучших администраторов своего времени, человек прогрессивных взглядов, огромной

энергии, кристальной честности и, главное, действительный сторонник и поборник законности и справедливости, В. А. Арцимович раздражал своим поведением и манерой управления консервативно настроенных (в основной своей массе) калужских дворян. На дворянских выборах 1860 года, когда страсти уже были накалены почти до предела (во многом из-за открытой прокрестьянской позиции губернатора в преддверии отмены крепостного права), случился скандал.

«В первый день губернский предводитель дворянства и некоторые уездные со своими помещиками не представлялись начальнику губернии, как это было заведено с давнего времени, однако же некоторые из дворян этих уездов представлялись поодиночке» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 35. Д. 11. Ч. 2. Л. 2). Наблюдавший за выборами жандармский офицер, признавая, что «повода к такой перемене со стороны начальника губернии решительно не было», высказывал предположение, что причиной этому могла стать статья в «Губернских ведомостях» об открытии в Калуге женской гимназии (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 35. Д. 11. Ч. 2. Л. 2 об.).

История с губернской женской гимназией была такова. Губернатор Арцимович, задумав открыть ее в Калуге, объявил подписку на это благородное дело. Необходимую сумму собрали довольно быстро, однако помещики фактически в полном составе (за исключением нескольких человек) бойкотировали это начинание, а все деньги пожертвовали купцы и сам Арцимович с супругой. Сообщавшая об этом официальная газета «Калужские губернские ведомости» иронично надеялась, что впоследствии, когда подписка распространится, в ней примут, быть может, участие «и многие другие лица благородного сословия» [4: с. 188].

Дворяне увидели в этой фразе попытку оклеветать себя и ответили яростным письмом, опубликованным в 108-м номере «Московских ведомостей». В этом послании, под которым стояли подписи 18 калужских помещиков во главе с предводителем «крепостников», дворянином Д. И. Потуловым, картина со сбором денег представляла в ином свете. Дворян якобы никто не пригласил жертвовать на гимназию, а собрание, где купцы давали деньги на нее, были проведено «партикулярно». Губернатор же через свой печатный орган злобно клеветает на дворянство [4: с. 189]. Именно из-за этой истории часть калужских дворян отказалась поприветствовать губернатора.

Никаких серьезных последствий эта история для Арцимовича не имела. Но через два года, уже после объявления воли крестьянам и начала реализации положений 19 февраля, губернатор настроит против себя почти все калужское дворянство. Губернский предводитель Ф. С. Щукин и его сторонники будут обвинять калужского губернатора в пособничестве крестьянам, требуя от петербургских властей «избавить губернию от этого протектора поляков и красного либерализма, иначе немудрено, что кровь начнет литься в Калужской губернии» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 197. Д. 199. Ч. 13. Л. 66–67 об.). В конечном

счете дворяне добьются своего и В. А. Арцимовича переведут из Калужской губернии.

Особенно остро дворяне сопротивлялись губернаторской власти как институции на национальных окраинах, в частности в Курляндии. Курляндская губерния управлялась на особых основаниях, что подразумевало некоторые отличия в системе гражданского управления ею [6: ст. 4]. Особенность эта в Остзейском крае заключалась в следующем: в силу давних исторических традиций и правовых норм, сохраненных еще со времен шведского владычества, местное дворянство привыкло иметь непосредственное влияние на все стороны жизни. Эта система предполагала, что «каждое действие губернского начальства наперед обусловлено согласием дворянства, или, по крайней мере, предварительным с ним совещанием» [3: с. 73]. Некоторые губернаторы, не желая ссориться с могущественной дворянской корпорацией, действительно старались согласовывать свои шаги с местной элитой.

Курляндские дворяне были сильны не только своим корпоративным духом, но и могущественными заступниками в Петербурге. Еще со времен Анны Иоанны в столице империи проживало достаточно выходцев из Курляндии, имевших высокие посты и влияние при царском дворе. «Впрочем, надежда на соотичей, состоящих на службе в Петербурге, вообще составляет важное занимает важное место в здешних понятиях и соображениях», писал в дневнике Курляндский губернатор П. А. Валуев [3: с. 76]. Если же начальник губернии отказывался идти на поводу у местных баронов, то ему приходилось выдерживать с ними настоящую схватку. Немаловажную роль в ней играл непосредственный начальник губернатора — Лифляндский, Эстляндский и Курляндский генерал-губернатор.

Конфликт между предводителем курляндского дворянства, бароном Ганном и губернатором Валуевым тлел не один год. Барон и поддерживавшая его часть ландтага (местное собрание дворян) были убеждены, что, игнорируя их, Валуев тем самым нарушает порядок управления губернией и действует вне закона. Имея мощную поддержку в Петербурге (жившие там соотечественники заблаговременно сообщали о всех намерениях центрального правительства относительно Курляндской губернии, присылались даже выписки «из конфиденциальных и секретных бумаг» [3: с. 76]), Ганн с единомышленниками решился, наконец, на открытый конфликт.

В начале 1857 года на ландтаге в Митаве «барон Ган при выборах распространял превратные толки о губернском начальнике и говорил, что сложит с себя звание губернского предводителя» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 22. Л. 28 об.). Не ограничившись этим, Ган громогласно заявил, что «сложит с себя звание губернского предводителя, потому что при нынешних обстоятельствах честь и долг воспрещают ему продолжить службу (здесь и далее подчеркнуто в источнике. — *Н. М.*)» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 22. Л. 28 об.). На следующий день ландтаг подавляющим большинством голосов (21 против 12) одобрил

адрес со словами поддержки Гану. В частности, в нем с пафосом заявлялось, что «при помощи Провидения и монарха рассеются угрожающие дворянству тучи» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 22. Л. 29).

Губернатор Валуев, которому тотчас передали содержание адреса (еще одно интересное свидетельство независимости местных дворян: официальных сведений о происходящем на ландтаге губернатор получать не мог, а только частным порядком [3: с. 74]), недоумевал: «В продолжение 3,5 лет, т. е. со дня вступления моего в управление губернией по настоящее время, между мною и дворянством не произошло никакого явного столкновения. Встречались различия взглядов, но и те большей частью изглаживались; жалоб на меня не принесено; политической переписки между дворянским комитетом и мной не было. Наконец, в настоящее время нет никакой важной спорной статьи или разногласия по текущим делам. Что же значат все выражения, употребленные губернским предводителем дворянства и самим ландтагом?» [3: с. 73].

Объяснение состояло в следующем. В отличие от конфликтов губернатора и дворянской корпорации великорусских губерний на национальных окраинах эти столкновения носили не частный, а принципиальный характер. Войдя в состав России в XVIII веке, Курляндия не утратила ощущения собственной автономии, почитая себя как бы в личной унии с Романовыми. Она готова была покоряться воле государя, его министров и, в крайнем случае, генерал-губернаторов, но не гражданских губернаторов. На них местное дворянство смотрело как на равных себе, требуя соблюдения корпоративных дворянских интересов. При этом губернатора воспринимали еще и как распространителя русского влияния, тем самым, выступая против него, балтийское дворянство высказывало недовольство русификацией края (подлинной или мнимой). Именно на этом страхе, по словам Валуева, и играл барон Ган. В течение всех двадцати лет, что он был губернским предводителем, барон не уставал твердить, что «исключительно его стараниями приостанавливаемы были намерения и распоряжения правительства насчет обрусения Курляндии и ниспровержения ее привилегий» [3: с. 74].

Губернатор П. А. Валуев все это прекрасно понимал. «Моя личность не замешана в дело. Против меня лично, сколь мне известно, не произнесено ни одного обвинения. Нападение направлено исключительно на начальника губернии, а в последнем подвергаются нападению только свойства русского и некурляндский взгляд на дела и на свое собственное положение» [3: с. 73]. Эта догадка полностью подтвердилась, когда барон Ган и его сторонники выдвинули против Валуева девять обвинительных пунктов. В вину начальнику губернии ставились разные мелкие обстоятельства, но главный посыл был предельно ясен: Валуев не может и не должен вмешиваться в практически любую сферу жизни губернии без совета с дворянами [3: с. 75]. «Разномыслие ставится в прямую и безусловную вину первому в губернии представителю власти», — возмущался Валуев [3: с. 76].

Несмотря на сильное противодействие курляндских дворян и их высоких покровителей в Петербурге, Валуев с помощью генерал-губернатора А. А. Суворова сумел добиться монаршего рескрипта на свое имя, в котором государь поручал изъять Валуеву «особое благоволение» [3: с. 78]. В свою очередь, министр внутренних дел также принял сторону губернатора, объявив выговор барону Гану. И хотя курляндские дворяне подали жалобу на министра внутренних дел С. С. Ланского, генерал-губернатора А. А. Суворова и самого П. А. Валуева Александру II, кардинально изменить ситуацию это уже не могло. В итоге строптивый барон Ган был вынужден оставить пост губернского предводителя (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 22. Л. 29).

Третий тип конфликтов лежал уже вне области служебной. Его условно можно назвать *личностным*, поскольку личные симпатии, точнее антипатии, играли тут главную роль. Губернатор, сам дворянин, должен был заботиться не только о делах управления вверенной ему области, но и быть настоящим светским львом, «барином широкой руки», душой общества. Балы, празднества, светские приемы — все это вменялось в обязанности первому лицу губернии. Конечно, наряду с вежливым обхождением, галантностью и вообще поведением *comme il faut*¹. Если же губернатор в чем-либо отклонялся от такого представления о нем или, что еще хуже, грубил и оскорблял дворян, то участь его была незавидна. Его ждала как минимум общественная обструкция, а как максимум — увольнение от должности.

Примером такого рода может служить история с отставкой вологодского губернатора Ф. С. Стоинского в 1860 году. Он ввязался в конфликт с местным помещиком, камер-юнкером, князем Волхонским, требуя от него внести в казну собранные с крестьян подати (чего, как доказывал губернатор, тот своевременно не сделал), пригрозив описать имение. Волхонский отказался. Начальник губернии настаивал на своем, в конфликт оказался втянут даже министр внутренних дел, которому губернатор жаловался на «неблаговидные действия» оппонента. В конечном итоге победителем вышел Волхонский, доказавший (при молчаливом одобрении губернского предводителя дворянства), что он внес все деньги в казну вовремя, а губернатор превысил свои полномочия (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 35. Д. 11. Ч. 1. Л. 7).

Следующий конфликт снова возник по инициативе вологодского губернатора. Затребовав как-то от местных дворян сведения о ценах на продажные и населенные земли в Грязовицком уезде, Стоинский получил ответ, что «они, не производя ни продажи, ни найма, не могут определить цены». Разозленный таким невежеством губернатор бросил в сердцах, что «дворянин, сколько-нибудь одаренный смыслом, не может не знать этого, иначе он не соответствовал бы своему званию, обязывающему его знать, что делается по крайней мере между его собратьями» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 35. Д. 11. Ч. 1. Л. 41). Эти слова губернатора довольно быстро стали широко известны. Оскорбленные дворяне во главе со своим предводителем

¹ Как должно (*фр.*)

написали гневное послание на имя управляющего Министерством внутренних дел С. С. Ланского, требуя призвать Стоинского к ответу.

Он был вынужден оправдываться перед начальством и за конфликт с Волхонским, и за оскорбление дворян Грязовицкого уезда. Выходило это у несчастного губернатора несколько жалко и униженно: «...я убежден, что каждый помещик может определить приблизительно ценность своей земли. Поэтому я не мог поверить донесению грязовицкого исправника, что помещикам неизвестна цена их земли, всегда считая дворянство на высшей ступени нравственного развития» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 35. Д. 11. Ч. 1. Л. 37 об.). Это не спасло вологодского губернатора — Стоинский в конце концов был отозван из губернии. Что характерно, местные дворяне считали это «за счастливое предзнаменование, что он больше в Вологду не возвратится», а вступление в должность нового губернатора В. Ф. Пфеллера было «принято всеми с необыкновенной радостью» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 35. Д. 11. Ч. 1. Л. 49–49 об.).

Но если в Вологде дворяне имели формальный повод для недовольства, то в Таврической губернии противостояние местных помещиков и губернатора было совершенно ничем не обосновано. Против тамошнего губернатора, генерал-лейтенанта Г. В. Жуковского, «руководящемуся в своих распоряжениях законностью и справедливостью», дворяне выступили мощным единым фронтом. Увлечшись личной вендеттой с Жуковским, они «во всем противодействовали начальнику Таврической губернии, и достаточно было кому-нибудь объявить, что назначение в должность такого-то лица было бы приятно губернатору, чтобы избрание сделалось наперекор» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 25. Л. 39–40). По-видимому, характер и манера поведения Жуковского не советовала стереотипу «настоящего губернатора», жившему в головах тамошних дворян.

Таким образом, можно констатировать, что отношения губернаторов с дворянством отличались двойственностью. С одной стороны, общая система полицейского государства предусматривала бюрократический контроль над всеми слоями общества, даже над «опорой трона» — дворянами. С другой стороны, местное дворянское общество не без оснований рассматривало себя как главную общественно-политическую силу в регионе. В отличие от губернатора, посланца из Петербурга, зачастую не имевшего даже представления о губернии, в которую он получал назначение, местные дворяне олицетворяли собой силу местных установлений и традиций. Оттого далеко не все губернаторы были готовы вступить в конфронтацию с благородным сословием. Если же конфликт случался, то, как правило, он относился к одному из трех типов: правовому, личностному или институциональному. Что касается участия высшей власти в этих столкновениях, то она довольно часто выступала на стороне дворян. Исключение составляли ситуации на национальных окраинах: там губернатор почти всегда априори обладал поддержкой всего начальства во главе с императором.

Литература

1. Бикташева А. Н. Антропология власти: казанские губернаторы первой половины XIX века. М.: Новый хронограф, 2012. 496 с. (Российское общество. Современные исследования).
2. Блинов И. А. Губернаторы: историко-юридический очерк. М.: Ин-т бизнеса, психологии и упр.; Тверь: Научная книга, 2008. 271 с. (Историко-экономический архив).
3. Дневник графа П. А. Валуева. 1857–1858 гг. // Русская старина. 1891. Т. LXXI. Вып. 7. С. 71–82.
4. Корнилов А. А. Крестьянская реформа в Калужской губернии при В. А. Арцимовиче // Виктор Антонович Арцимович. Воспоминания. Характеристики. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1904. С. 129–404.
5. Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. Высшая Школа, 1993. 446 с. (Историческое наследие).
6. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Перваго составленный: издание 1857 года. Т. 1: Ч. 1. Основные государственные законы (Ч. 2. Учреждения государственные). СПб.: Тип. Второго отделения Собств. е. и. в. канцелярии, 1857. 1020 с.
7. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Перваго составленный: издание 1857 года. Т. 9: Законы о состояниях. СПб.: Тип. Второго отделения Собств. е. и. в. канцелярии, 1857. 540 с.
8. Ярославские губернаторы, 1777–1917: историко-биограф. очерки / В. М. Марасанова, канд. ист. наук, Г. П. Федюк; отв. ред. А. М. Селиванов, д-р ист. наук. Ярославль: Ярослав. гос. ун-т, 1998. 417 с.

Literatura

1. Biktasheva A. N. Antropologiya vlasti: kazanskiye gubernatory` pervoj poloviny` XIX veka. M.: Novy`j xronograf, 2012. 496 s. (Rossijskoe obshhestvo. Sovremenny`e issledovaniya).
2. Blinov I. A. Gubernatory`: istoriko-yuridicheskij ocherk. M.: In-t biznesa, psixologii i upr.; Tver`: Nauchnaya kniga, 2008. 271 s. (Istoriko-e`konomicheskij arxiv).
3. Dnevnik grafa P. A. Valueva. 1857–1858 gg. // Russkaya starina. 1891. T. LXXI. Vy`p. 7. S. 71–82.
4. Kornilov A. A. Krest`yanskaya reforma v Kaluzhskoj gubernii pri V. A. Arcimoviche // Viktor Antonovich Arcimovich. Vospominaniya. Charakteristiki. SPb.: Tipografiya M. M. Stasyulevicha, 1904. S. 129–404.
5. Kornilov A. A. Kurs istorii Rossii XIX veka. Vy`sshaya Shkola, 1993. 446 s. (Istoricheskoe nasledie).
6. Svod zakonov Rossijskoj imperii, poveleniem gosudarya imperatora Nikolaya Pervago sostavlenny`j: izdanie 1857 goda. T. 1: Ch. 1. Osnovny`e gosudarstvenny`e zakony` (Ch. 2. Uchrezhdeniya gosudarstvenny`ya). SPb.: Tip. Vtorogo otdeleniya Sobstv. e. i. v. kancelyarii, 1857. 1020 s.
7. Svod zakonov Rossijskoj imperii, poveleniem gosudarya imperatora Nikolaya Pervago sostavlenny`j: izdanie 1857 goda. T. 9: Zakony` o sostoyaniyah. SPb.: Tip. Vtorogo otdeleniya Sobstv. e. i. v. kancelyarii, 1857. 540 s.

8. Yaroslavskie gubernatory`, 1777–1917: istoriko-biogr. ocherki / V. M. Marasanova, kand. ist. nauk, G. P. Fedyuk; otv. red. A. M. Selivanov, d-r ist. nauk. Yaroslavl`: Yaroslav. gos. un-t, 1998. 417 s.

N. A. Mogilevskiy

**«The Nobles Opposed Everything That Had Previously Had Influence,
and the Governor Himself...»: Conflicts between the Provincial Authorities
and the Nobility in the Middle of the 19th Century**

Based on new archival materials, the article examines the types of conflicts between governors and local nobility in the late 1850s. A typology of these contradictions is given: legal, personal and institutional conflicts.

Keywords: governor; nobles; local authorities; conflicts.